

Кельты

МИФОЛОГИЯ,
СФОРМИРОВАВШАЯ
НАШЕ
СОЗНАНИЕ

МАРК
УИЛЬЯМС

МИФ Культура

Марк Уильямс

**Кельты. Мифология,
сформировавшая наше сознание**

«Манн, Иванов и Фербер»

2021

УДК 398
ББК 82.3(4)

Уильямс М.

Кельты. Мифология, сформировавшая наше сознание /
М. Уильямс — «Манн, Иванов и Фербер», 2021 — (МИФ
Культура)

ISBN 978-5-00-195816-1

Оксфордский преподаватель и медиевист Марк Уильямс исследует корни кельтских легенд, оставивших наиболее заметный след в мировой культуре. Кельтские легенды были впервые записаны спустя сотни лет после своего рождения. Вскоре писатели и художники всего мира увидели в них богатейший источник идей и сюжетов. В наши дни архетипы кельтской мифологии находят воплощение уже в героях комиксов и кино. Как получилось, что эти образы так близки нам, хотя родились в совсем другом мире, отделенном от нас веками? Оксфордский преподаватель и специалист по средневековью Марк Уильямс пишет о корнях легенд, которые жили и живут в мировой культуре. Что нам в действительности известно о короле Артуре, Мерлине, ирландских фейри? Как трансформировались эти и другие образы в их путешествии сквозь века? Пришло время вернуть кельтские легенды из царства тумана. В книге 77 цветных и черно-белых иллюстраций. От автора При всей сложности своего происхождения и повествования предания обладают не меньшей архетипической силой, чем мифы Древней Греции, Рима, Исландии или Индии. Они формируют сюжетные схемы, создают ярких персонажей и обладают четкой внутренней структурой. К счастью, это означает, что кельтские мифы будут воспроизводиться и переосмысливаться снова и снова. В книге я показываю, что благодаря современной массовой культуре мы можем лучше понять древние легенды, чем читатели времен столетней давности, когда творил Йейтс. Так, фильмы о «Людах X» позволяют нам разобраться в некоторых элементах сказания «Килхух и Олвен», а все, кто переживал за пузатого и унылого Тора в «Мстителях: Финал», смогут оценить сюжетную линию толстобрюхого и унылого Дагды в «Битве при Маг Туиред» – и не так важно, насколько этот

сюжет соответствует утраченной оригинальной истории дохристианского ирландского божества Дагды. Кельтские предания оказались не настолько мистическими и древними, как считалось, и в ближайшие годы они могут стать богатым источником для новых творческих проектов. Сегодня, как и в Средние века, они (с небольшими комментариями) подпитывают коллективный опыт, учат сопереживать, а также развлекают нас. Пришло время извлечь мифы из тумана. Для кого эта книга Ценителям истории, мифологии и их места в современности. Для всех, кто хочет погрузиться в жизнь народов прошлого. На русском языке публикуется впервые.

УДК 398

ББК 82.3(4)

ISBN 978-5-00-195816-1

© Уильямс М., 2021

© Манн, Иванов и Фербер, 2021

Содержание

Введение. Природа кельтской мифологии	8
Глава 1. Сияющее чело: Талиесин – величайший из поэтов	16
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марк Уильямс

Кельты. Мифология, сформировавшая наше сознание

Оригинальное название:

Celtic Myths that Shape the Way We Think

Научный редактор Нина Живлова

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Published by arrangement with Thames & Hudson Ltd, London, The Celtic Myths that Shape the Way We Think © 2021 Thames & Hudson Ltd, London

Text © 2021 Mark Williams

This edition first published in Russia in 2023 by Mann, Ivanov and Ferber, Moscow, Russian Edition © 2023 Mann, Ivanov and Ferber, Moscow

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

From *The Mabinogion*, first edition by Dragon's Dream, Netherlands, 1982. Courtesy Alan Lee

Введение. Природа кельтской мифологии

Мы задумываемся о кельтской мифологии, и из тумана выплывают образы. Девушка с лицом, покрытым каплями росы, рождается из вихря цветов и листьев. Гигантские боги шагают по полю битвы, усеянному расколотыми камнями. Трое детей в ужасе бегут прочь, а их руки покрываются перьями и превращаются в лебединые крылья. Отрубленная голова великана высится на пиршественном столе, а до гостей доносятся издали мелодичные трели птиц.

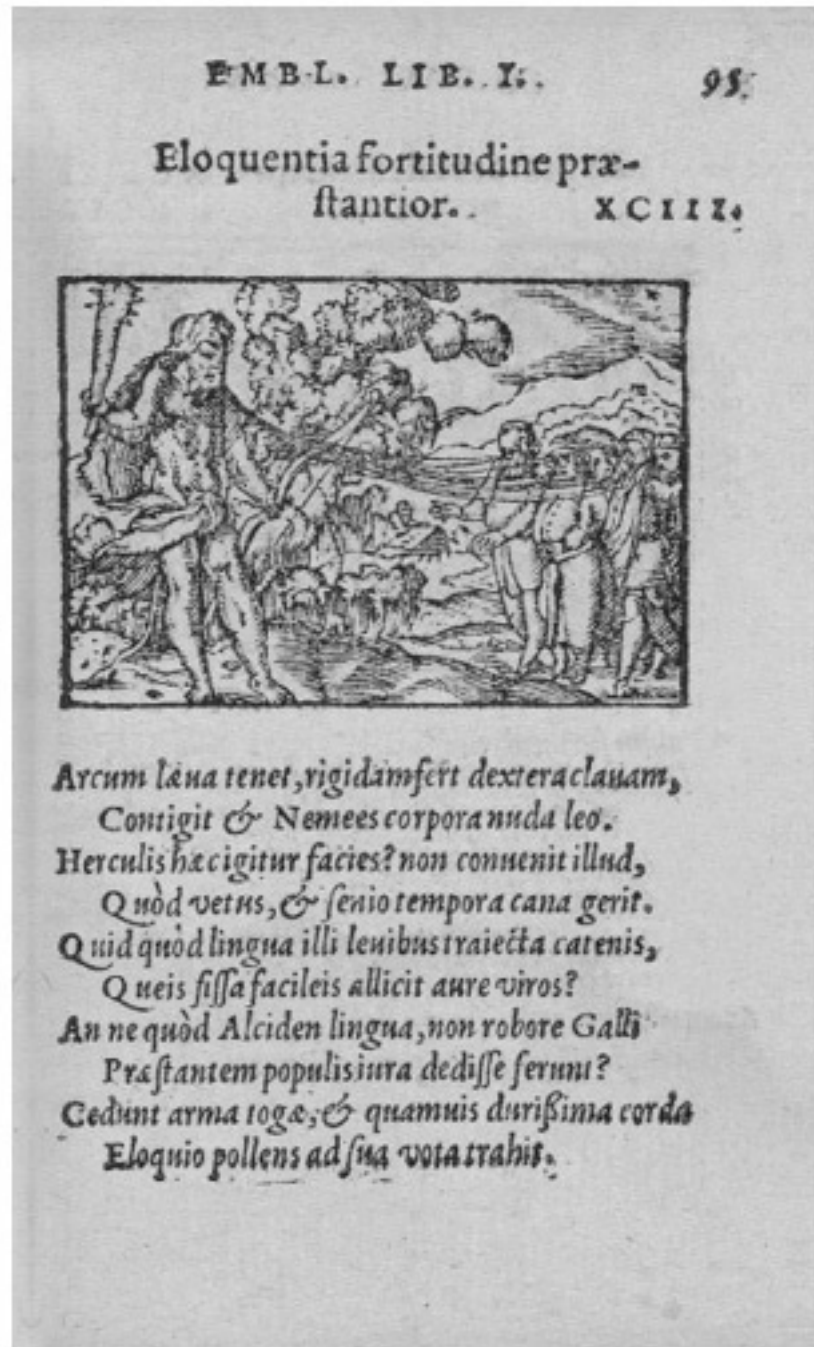
Это классические образы кельтской мифологии, насыщенной загадками и иносказаниями. Она заметно отличается от греческой, римской или индийской, не схожа она и с мифологией скандинавских народов. Разумнее всего воспринимать ее как отдельный, самодостаточный мир. Знакомясь с ней, мы, как и многие герои валлийских и ирландских преданий, оказываемся в незнакомом месте, где действуют неведомые нам законы и правила.

Впадая в крайность, можно утверждать, что никакой «кельтской мифологии» не существует, но даже если придерживаться других взглядов, при чтении книги следует помнить об условности такого общего названия. И для этого есть как минимум три причины.

Первая из них заключается в том, что обычно понятие «мифология» обозначает свод историй о дохристианских богах и богинях – во всяком случае, это справедливо, когда мы говорим о Европе. Например, именно так обстоит дело с древнегреческой мифологией. Но проблема в том, что все известные нам кельтские мифы – продукт христианской эры: они были записаны в Средние века или даже позже. Архаические кельтские легенды, в отличие от греко-римских, не сохранились в том виде, в каком их рассказывали до прихода христианства люди, поклонявшиеся древним божествам. Конечно, это не означает, что у древних племен, говоривших на кельтских языках, не было богатой мифологии: безусловно, она существовала. Но до нас не дошла, потому что в те века никто не записывал истории, а если и записывал, то документы эти не сохранились. Небольшие намеки на те утраченные предания можно найти у греческих и римских авторов. Приведу один пример: во II веке н. э. писатель-сатирик Лукиан отметил, что у галлов – кельтского народа, проживавшего на территории современной Франции, – есть своя диковинная версия Геракла (римского Геркулеса). У них Геракл не мускулистый силач, а хмурый старец во главе отряда последователей, чьи уши соединены с его ртом длинными цепями. По словам Лукиана, этот образ является символом завораживающей силы красноречия, которой чаще обладают старики, чем юноши. Лукиан использовал традиционный для античных авторов прием, когда любое иноземное «варварское» божество наделялось привычным для греков и римлян именем-эквивалентом; есть основания полагать, что Гераклом он назвал галльского бога Огмия (Огмиоса).

Уильям Фэйторн, «Лукиан Самосатский» (1711). National Portrait Gallery, London. Given by the daughter of compiler William Fleming MD, Mary Elizabeth Stopford (née Fleming), 1931

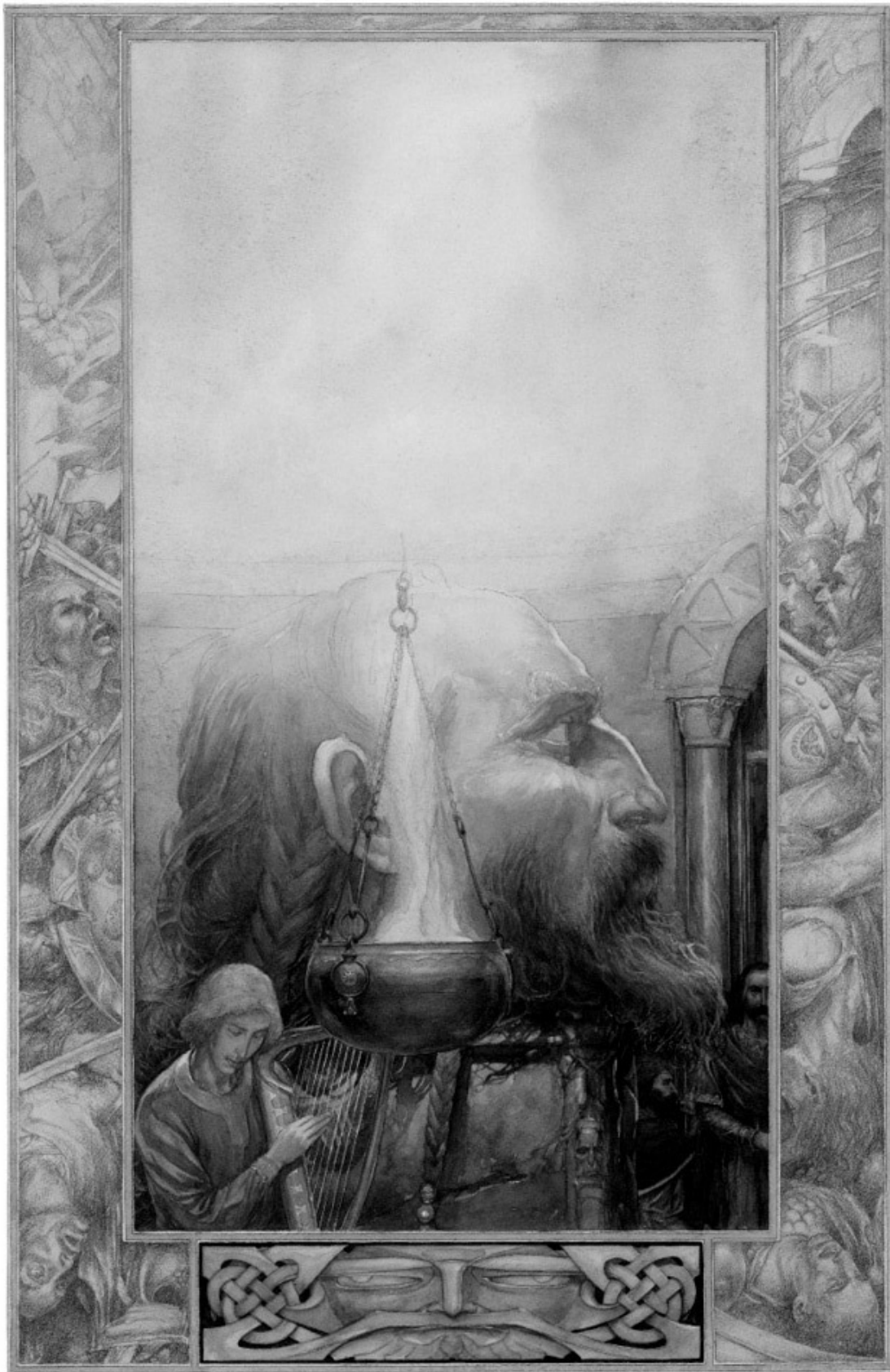
Изображение Геркулеса из книги Андреа Алькати *Emblemata clarissimi Viri D. Andreae Alcati* (1567). Published by Ex officina Christophori Plantini, Antwerp, 1567. Getty Research Institute, Los Angeles

Существует явная переключка между этим рассказом и некоторыми сюжетами из средневековой ирландской литературы – там есть силач по имени Огма, – но дать однозначную интерпретацию сложно. Без корпуса письменных источников о дохристианской кельтской культуре и мифах исследователи не могут прийти к определенному выводу. Есть материальные свидетельства – предметы и ритуальные комплексы, которые могут кое-что рассказать нам о верованиях и обычаях древних народов, но не в состоянии передать содержание их мифологии. Для этого нужны тексты.

Как уже говорилось выше, все письменные источники, сохранившие отдельные элементы кельтских мифов, датируются Средними веками, так что обсуждение кельтской мифологии

неизбежно ведет к разговору о средневековой литературе. Одна из важнейших задач этой книги не только исследовать, чем является (и чем не является) кельтская мифология, но и рассмотреть ее в контексте средневековой литературы Ирландии и Уэльса, к которой она по большей части относится. Удачно, что произведения эти чрезвычайно насыщены, полны ярких персонажей и драматических сюжетов.

Вторая причина того, что термин «кельтская мифология» вызывает много вопросов, состоит в том, что само слово «кельтский» неоднозначно и не так легко поддается определению. Понятие это, прежде всего, лингвистическое. Оно включает в себя совокупность родственных языков с характерными общими чертами, а уже затем – как следствие – и культуру народов, говоривших на них. В книге мы будем опираться в первую очередь на наследие средневековой Ирландии и Уэльса. Это не означает, что кельтская Шотландия, Бретань, Корнуолл или остров Мэн не имеют собственных ценных и важных письменных источников, но литература Уэльса и Ирландии настолько богата, что я не в силах охватить в этой книге даже ее. Кроме того, она возникла довольно давно: так, древнейший ирландский «мифологический» материал восходит к VIII веку н. э. Однако не следует забывать, что ирландская и валлийская мифологические традиции сильно различаются между собой. Безусловно, у них есть точки соприкосновения, и архаичные формы ирландского и валлийского языков стоит изучать в сравнении (именно поэтому существует такая академическая дисциплина, как кельтология), но они не являются одним целым. Так что предпочтительно говорить о кельтских мифологиях во множественном числе.

Алан Ли, «Голова Брана» (1982). Отрубленная, но все еще живая голова великана Брана Благословенного пирует со своим войском. From *The Mabinogion*, first edition by Dragon's Dream, Netherlands, 1982. Courtesy Alan Lee

Третья причина, по которой термин «кельтская мифология» считается неоднозначным, заключается в том, что вот уже более двух веков писатели и художники относятся к кельтским легендам и традициям как к источнику вдохновения, а иногда и прибыли. Англоязычный мир периодически накрывают волны интереса ко всему кельтскому, авторы переосмысливают средневековые истории и вписывают их в свои сюжеты. Это означает, что кельтская мифология обладает, как выражаются некоторые исследователи, насыщенной «посмертной жизнью», и тут особенно уместно будет сравнение с классической мифологией. Большинство античных мифов – возьмем для примера историю о поэте и певце Орфее и его потерянной жене Эвридике – снова и снова воплощаются в культуре. Легенда об Орфее, который спас умершую супругу из загробного мира, но вновь лишился ее в последнее мгновение, пересказывалась бесчисленное количество раз, на разных языках, во многих жанрах и формах – от средневекового романа (бретонская поэма «Сэр Орфео») до комической оперы («Орфей в аду» Жака Оффенбаха) и кинофильма («Орфей» Жана Кокто). Однако в каждом случае можно проследить непосредственную связь с античным миром и оригинальным текстом – произведением римского поэта Вергилия «Георгики».

С кельтским материалом ситуация несколько иная. Латинский и греческий языки на протяжении веков были частью интеллектуального наследия всей Европы. Притом что древнеирландский и средневековый валлийский во многих отношениях столь же сложны, их относительно мало кто знал и знает. В результате «посмертная жизнь» начинает доминировать, порой скрывая средневековый оригинал за тяжелой завесой национального романтизма, а иногда и откровенных подделок. Популярное пособие зачастую опирается на пересказы других пересказов, запуская череду сомнительных сведений о кельтской мифологии: информация может далеко отстоять от первоисточника и формировать собственный набор фактов. Люди, читающие эти тексты, делают элементы таких пересказов частью своего творчества или мировоззрения – что совершенно законно, но, увы, многие из «общеизвестных истин» опираются на весьма хрупкие доказательства.

Классический пример – представление о том, что ирландская богиня Бригит была божеством огня. Сейчас пламя считается ее основным атрибутом. Средневековый глоссарий начала X века – весьма надежный источник – описывает ее тройственную природу: как богини поэзии, медицины и кузнечного дела. Но в нем нет явного акцента на огне – эта версия родилась лишь в конце XIX века, когда возникло предположение, что святая Бригитта, самая почитаемая из святых женщин в Ирландии, была христианизированной формой древней богини с тем же именем. В ранних текстах, повествующих о ней, встречается немало рассказов об огненных чудесах, но подобное можно найти и в житиях святого Колумбы и святого Патрика. Такие явления были распространенным элементом жизнеописаний святых. А в XII веке стало известно об обычае, принятом в женском монастыре святой Бригитты в Килдэре, поддерживать огонь, который никогда не должен погаснуть. Однако нет доказательств, что этот ритуал пришел из древности, потому что более ранние источники информации о Бригитте (а их несколько) не упоминают ни о чем подобном. Но в итоге родилась популярная легенда о прекрасной Бригит, богине огня, превратившейся в христианскую святую, чей древний культ отныне поддерживается монахинями, а не жрицами. Известно, что у древних ирландцев почти наверняка была богиня с таким именем, остальные же утверждения в лучшем случае спорны, а в худшем – маловероятны. Однако «ирландская богиня огня Бригит» настолько популярна в наше время, что ее упоминают в любой книге о кельтской мифологии, и предположения часто выдаются за установленные факты. Важная задача этой книги – обратить внимание на подобные несоответствия, не осуждать их, а представить как часть кельтской мифологии, но при этом отделить от того, что в действительности говорится в средневековых источниках.

Аннет Мак-Кормак, статуя святой Бригитты у источника Бригитты, Килдэр, Ирландия.
Photo Stephen Barnes / Religion / Alamy Stock Photo

Книга предназначена не для экспертов, а для широкого круга читателей, так что необходимо сказать пару слов о том, как она устроена. Главы расположены в определенном порядке неслучайно: автор постепенно вводит в повествование новые темы и факты, а в дальнейшем возвращается к ним, предполагая, что читателю они уже знакомы. В разделе «Литература» есть рекомендации книг по теме каждой из глав – с надежными переводами средневековых источников и авторитетными комментариями. Кельтская мифология подобна парку со множеством

переплетающихся тропинок, так что читать главы можно и в произвольном порядке, но последовательное чтение даст вам более целостную картину.

Наконец, что касается авторов средневековых текстов – как ни прискорбно это осознавать современному читателю, скорее всего, все они были мужчинами. Тем не менее средневековые ирландские поэтессы существовали, мы знаем несколько имен, и не исключено, что кто-то из них писал и прозаические тексты. Именно поэтому я использую форму «он или она», чтобы оставить намек на такую возможность. Никто не был бы так этому рад, как я.

Глава 1. Сияющее чело: Талиесин – величайший из поэтов

Представьте себе человека, который путешествует сквозь пространство и время. Почти всеведущий, он из первых рук узнает о ходе истории, общается с легендарными личностями разных эпох и обладает поистине выдающимися знаниями и опытом, накопленными за долгую жизнь. Он много раз менял обличье и постиг тайны вселенной изнутри. И это не тот, кто первым приходит на ум современному зрителю, не Повелитель Времени и главный герой популярного сериала Би-би-си «Доктор Кто». Нет, я имею в виду легендарного поэта валлийской традиции Талиесина. Он находился на небесах рядом с Богом в момент низвержения Люцифера, видел Александра Македонского, сопровождал в иной мир короля Артура, общался с волшебниками Матом и Гвидионом. Он побывал мудрецом и косулей, свиньей и плугом. В нашей многообразной вселенной нет такого предмета или существа, которые остались бы ему неизвестны. Он не просто поэт, а Поэт, архетипический мыслитель, почерпнувший мудрость из котла таинственной женщины по имени Керидвен.

Талиесин – сложная фигура. Но прежде чем перейти непосредственно к нему, предлагаю оглянуться на конец XIX и начало XX века, когда среди романтиков Великобритании и Ирландии расцвела мода на кельтскую мифологию. Интересовались ею и литераторы с громкими именами, как, например, ирландский поэт У. Б. Йейтс (1865–1939), который не только собирал ирландский фольклор, но и вплетал мифические мотивы и образы в красочное полотно собственных сочинений. Приверженцы романтизма выражали в своих произведениях единый взгляд на мифологию, который господствовал в обществе в позднюю Викторианскую и Эдвардианскую эпоху и который разделяли ученые-антропологи. Во-первых, считалось, что сущность мифа – в его языческой природе. Христианские элементы в средневековых источниках рассматривались как прискорбные наслоения, от которых необходимо избавляться. Во-вторых, сложилось представление, что фольклор – это искаженная мифология, он основан на подлинно древнем материале, неверно истолкованном в народе, и теперь задача исследователей – раскрыть его истинное значение.

Портрет молодого Уильяма Батлера Йейтса. Library of Congress, Prints and Photographs Division, The George Grantham Bain Collection, Washington, D.C.

Такой подход преобладал, но поклонники кельтской мифологии, подпитываемые чистым кислородом романтических фантазий, шли в своих домыслах еще дальше. Они считали, что

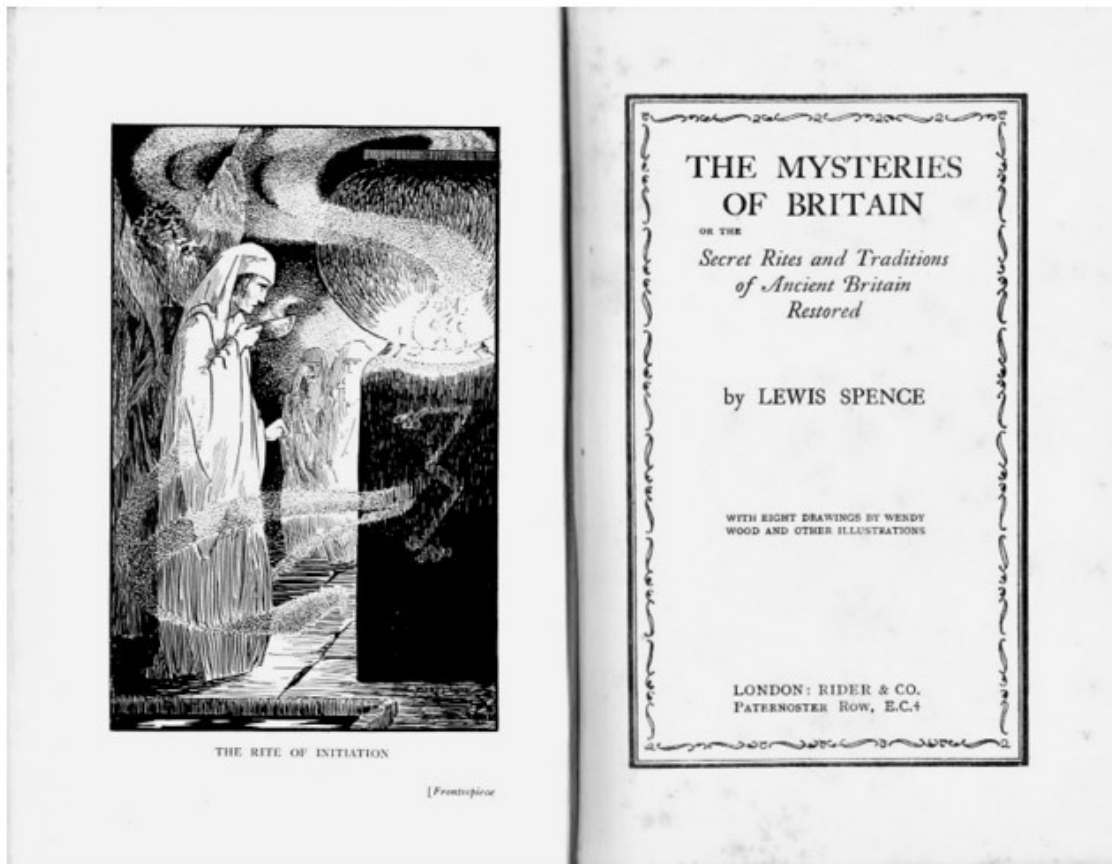
языческая мифология скрывает в себе тайны великой духовной мудрости, исконной для британцев и ирландцев, а оттого во всех отношениях более правильной и значительной по сравнению с христианской. Эти знания можно и нужно было возрождать. А когда речь заходила об Уэльсе, к подобным убеждениям примешивалось увлечение друидами – загадочным жрецеским сословием, которое упоминали античные авторы. Судя по всему, они были главными знатоками магии и ритуалов в ряде древних кельтских сообществ, но подробностей о том, чем они занимались и во что веровали, мало, а сохранившиеся свидетельства ненадежны и вызывают сомнения. Тоска по утраченной древней мудрости воплотилась в образах друидов и породила феномен, который называют друидоманией.

Классическим примером человека, посвятившего себя этой традиции, был шотландский журналист, фольклорист и поэт Льюис Спенс (1874–1955), неустанно писавший о предполагаемых утраченных знаниях древней кельтской Британии. Я выбрал именно его, потому что в 1990-х годах труды Спенса были переизданы в виде недорогих тиражных книг, которые до сих пор широко доступны для читателей. Среди них «Магические искусства в кельтской Британии» и «История и происхождение друидизма» (эту книгу я читал, будучи доверчивым подростком). Обе книги были опубликованы в 1949 году. Но первым его произведением такого рода стали «Тайны древних бриттов: возрожденные тайные обряды и традиции древней Британии», изданные в 1905 году. В этой книге Спенс утверждал, что кельтская Британия стала местом появления секретного культа, возглавляемого бардами и друидами, одним из объектов поклонения которого была валлийская богиня Керидвен. Сложная мистическая философия этой традиции опиралась на идею, что человеческая душа претерпевает череду последовательных перевоплощений: в процессе духовного очищения и обновления она перемещается по различным планам бытия и из тела в тело. Спенс подчеркивал, что друидизм не исчез ни после римского завоевания, ни даже с приходом христианства. Напротив, средневековые валлийские барды сохранили древние верования и ритуалы и донесли их до наших дней как живую традицию в виде текста «Бартас» (то есть «Поэтическое искусство»), опубликованного в двух томах в 1862 и 1874 годах. «Бартас» – это изданная посмертно рукопись Эдварда Уильямса, каменщика из Гламоргана (1747–1826), гораздо более известного под бардовским псевдонимом Йоло Моргануг. Спенс в «Тайнах древних бриттов» утверждал, что сочинение Йоло опирается на подлинный исторический материал, и снабдил его откровения красноречивыми иллюстрациями; по его словам, в бардовских мистериях заключается мистическая сущность валлийской мифологии. Вот пример возвышенного текста из книги Спенса:

Тайна кельтской философии приводила в отчаяние поколения философов и культурологов... Для человека, в крови которого нет магического состава, кельтские глубины остаются навсегда запечатанными. Я думаю, что тот, кто приближается к ним, должен не только принадлежать к древней расе первых носителей культуры на этом острове, но он должен также с детства слышать настойчивый зов голосов рода, которые бы побуждали его к решению задачи исследования тайн своей страны¹.

---

¹ Пер. Н. М. Забилоцкого.

Фронтиспис книги Л. Спенса «Тайны древних бриттов» (1905). Published by Rider & Co., London, 1905

К несчастью для Спенса и ему подобных, ни одно из утверждений, высказанных в его книге, не соответствует действительности. Для специалиста по кельтской культуре этот текст выглядит как галлюциногенный бред: одна глава стремительно сменяет другую, и нигде не найти достоверных фактов или обоснованных суждений. Одной из проблем Спенса было доверие к словам Йоло и к его фальшивой бардовской метафизике. Современные исследователи считают, что Йоло Моргануга следует рассматривать как оригинального и яркого автора, который внес серьезный вклад в валлийскую литературу и был в своем роде прозорливым гением, подобным Уильяму Блейку, но тем не менее выдавал собственные сочинения за фрагменты древних текстов и не стеснялся откровенных подделок. Спенс попался на его удочку, что любопытно, ведь ненадежность Йоло была доказана уже в конце XIX века.

Неизвестный художник, портрет Йоло Моргануга (ок. 1800). By permission of Llyfrgell Genedlaethol Cymru / The National Library of Wales

В книге Спенса нет признаков того, что автор разбирается в творчестве настоящих поэтов и писателей Уэльса, давних и современных, или хотя бы искренне интересуется ими. Он практически не обращается к сложной литературной традиции Уэльса, насчитывавшей к тому времени уже тринадцать столетий. Если Спенс и цитирует средневековое стихотворение, то обычно дает настолько неточный перевод и / или толкование, что с трудом можно догадаться, о каком тексте идет речь. Учитывая крайне пренебрежительное отношение Спенса и подобных ему к истинному наследию валлийской литературы, их работы не следует воспринимать всерьез. Сегодня его могли бы обвинить в эксплуатации чужой культуры – культур-

ной апроприации. Но проблема в том, что сфабрикованные фольклорно-мифологические тексты – антропологи используют для их описания термин «фейкlor» – иногда становятся частью культуры. Бардовские фантазии Йоло являются одним из классических примеров такого феномена, потому что за полтора столетия на их основе сформировалась традиция празднования Национального эйстедвода, ежегодного фестиваля валлийской музыки и поэзии. Ведущие деятели валлийской культуры надевают синие бардовские одеяния и под руководством архидруида проводят церемонии, придуманные Йоло. Все наблюдатели и участники действия знают, что происходящее не имеет отношения к реальным древним ритуалам, но считают это выражением национальной идентичности валлийцев и приятным развлечением.

Таким образом, на протяжении двух последних столетий романтики видели в валлийской бардовской традиции, словно в пятнах Роршаха, отражение собственных навязчивых идей и представлений и не углублялись в реальную историю поэзии. Я так подробно останавливаюсь на этом, потому что восприятие кельтского наследия через призму романтического друидизма, духовного роста и поэтического вдохновения по сей день сохраняется в определенных кругах, что возвращает нас к главному персонажу главы – Талиесину.

Процессия бардов и друидов, Национальный эйстедвод (1951). Photo ANL / Shutterstock

Со времен Йоло Моргануга ключевой фигурой романтического движения был бард Талиесин, «величайший из поэтов». (Йоло даже назвал его именем своего сына.) Некоторые средневековые источники, имеющие отношение к Талиесину, рассказывают о его способности изменять облик, присутствовать повсюду и видеть все, так что, возможно, его считали кем-то вроде друида. В наши дни в моду вошел шаманизм, а потому популярная книга 1991 года, написанная Джоном и Кэтлин Мэтьюз, двумя исключительно плодовитыми авторами, специализиру-

ющимися на кельтской духовности, названа соответственно: «Талиесин: последний кельтский шаман». Так или иначе, я начал книгу с истории легендарного валлийского поэта, который, скорее всего, известен многим как шаман или друид, чтобы продемонстрировать на ярком примере одно распространенное явление. Речь о том, что современные изложения кельтских мифов воспроизводят сами себя: вторичная литература порождает еще более вторичную, особенно в интернете, и до читателей доходят крайне сомнительные тексты. Идеи любого энтузиаста или чудака могут легко превратиться в очередные расхожие теории, так что путаница и ошибки подстерегают повсюду. На мой взгляд, из-за этого не стоит слишком сильно переживать, ведь нет ничего плохого в том, чтобы черпать вдохновение из средневековой литературы. Кроме того, это помогает сохранять интерес к кельтской мифологии. Однако важно различать настоящие средневековые источники и творческие интерпретации, созданные в гораздо более поздние времена.

Архидруид из Билт-Уэлза, историческое празднование на территории Лланел-вед-Холла, 11 августа 1909 года. By permission of Llyfrgell Genedlaethol Cymru / The National Library of Wales

В оставшейся части главы мы познакомимся с достоверной информацией о Талиесине из надежных источников и уточним их хронологию. Всего таких источников пять, и в трех из них поэту посвящено лишь несколько строк.

Первое упоминание имени «Талиесин» встречается в тексте, известном как «История бриттов» (*Historia Brittonum*), примерно в 830 году н. э. К этому труду мы еще неоднократно вернемся в следующих главах. «История бриттов» была написана на латыни неизвестным валлийским священником. В одном из ее разделов перечислены имена пятерых знаменитых поэтов древности, включая Талиесина, живших на два с половиной столетия раньше, чем автор. Все они «преуспели в британской поэзии» во времена правления Иды, короля Нортумбрии, в конце VI века н. э.

Здесь следует пояснить, что в данном контексте «британский» означает «написанный на кельтском языке, происходившем напрямую от языка древних бриттов». Важно отличать историческое значение слова «британский» (а также «Британия», «британцы» и т. д.) от современного, имеющего отношение ко всему острову, в том числе и к Англии.

Если время жизни Талиесина, указанное в «Истории бриттов», верно, значит, речь и вправду идет о довольно древней поэзии. Язык, на котором он писал, был формой британского, происходящего от языка древних бриттов, но уже с сильным влиянием латинского, принятого официально в Римской Британии. Специалисты используют для него определение «общий необриттский»², так как термин «древневаллийский» считается устаревшим и менее точным: на том этапе язык еще не разделился на валлийский и родственные ему корнский и бретонский языки. Валлийский, корнский и бретонский языки произошли от общего необриттского, так же как испанский, итальянский и французский – от латинского.

Позднее слава Талиесина возросла, но в «Истории бриттов» его имя упоминается вскользь и стоит не на первом месте в списке поэтов. Не удостоился он и красивого прозвания, в то время как, например, Киана называют «пшеницей песни», а Талхайарна – «отцом музыки». (Какими бы звучными ни были их прозвища, ни строки из сочинений этих поэтов не сохранилось.) В целом можно предположить, что автор «Истории бриттов» не считал Талиесина выдающимся поэтом конца VI века.

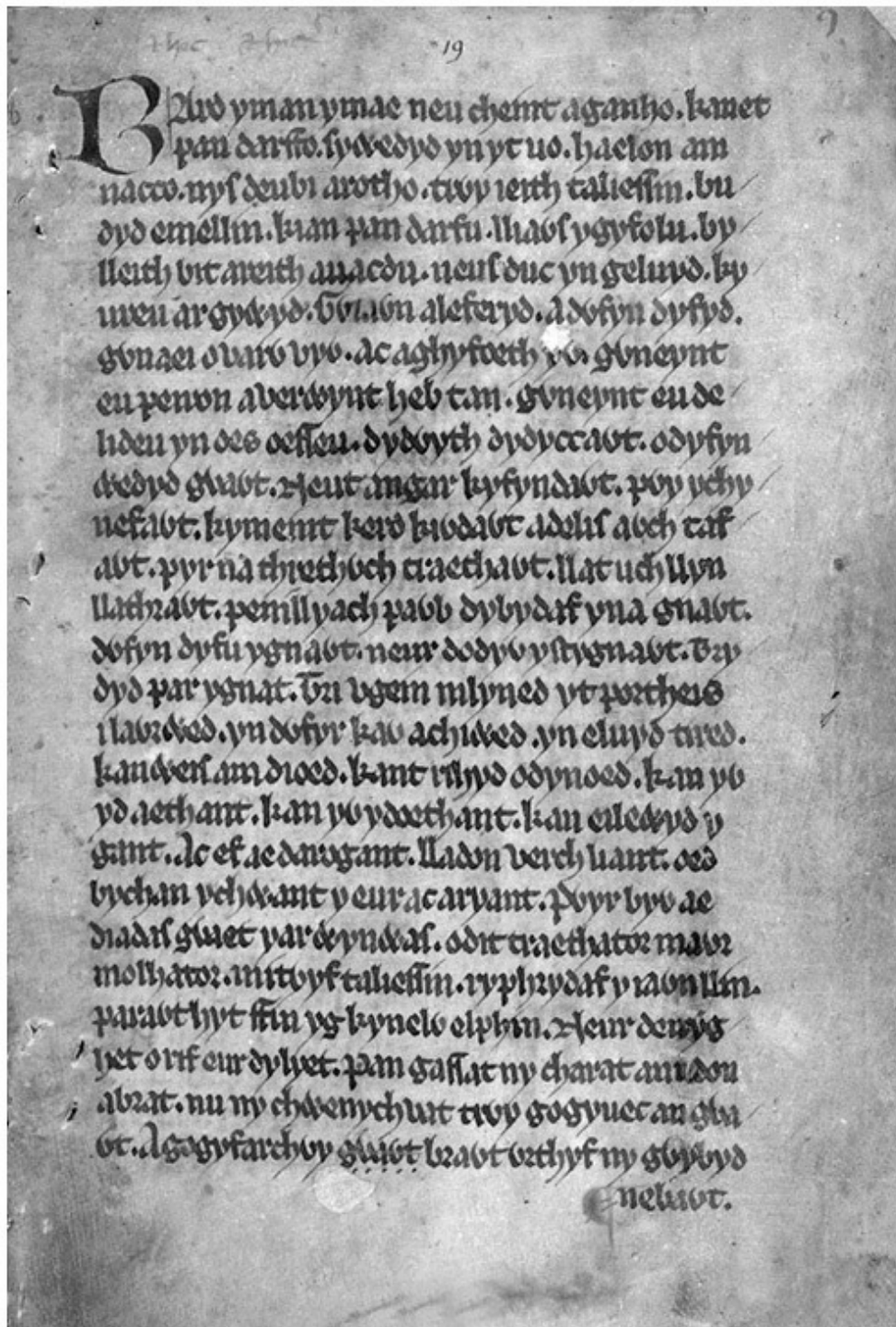
Два следующих упоминания о Талиесине относятся к середине и концу XI века, оба они очень краткие. В легенде из артуровского цикла «Килхух и Олвен», впервые записанной около 1050 года, – речь о ней пойдет в [следующей главе](#) – Талиесин назван «величайшим поэтом» и придворным короля Артура. Примерно в 1100 году он появляется в трагической повести «Бранвен, дочь Ллира» как один из семи выживших после неудачного похода бриттов в Ирландию под командованием короля-великана. (К истории Бранвен мы вернемся в [пятой главе](#).) Очевидно, что восприятие Талиесина сильно изменилось после IX века: он стал персонажем валлийских сказаний наряду со множеством откровенно вымышленных героев, обладающих нечеловеческими силами.

Следующий источник, в отличие от предыдущих, солиден и даже монументален. Это валлийская рукопись, созданная около 1325 года, вероятно, в Гламоргане. В ней собрано большое количество поэтических текстов, пророчеств и религиозных стихотворений, связанных с личностью Талиесина. С XVII века она известна как «Книга Талиесина» (валл. *Llyfr Taliesin*). Всего в ней содержится около шестидесяти двух стихотворений. Текст записан уверенной рукой: он понятен и легко читается после небольшой тренировки, это далеко не ветхий том с плохо раз-

---

² Согласно классификации, предложенной валлийским лингвистом Дж. Т. Куком (J. T. Koch), «общий» или «архаический» необриттский (*Common neo-brittonic*) – это язык бриттов VI–VIII веков. Только начиная с IX века можно говорить об отдельных древневаллийском (*Old Welsh*), древнекорнском (*Old Cornish*) и древнебретонском (*Old Breton*) языках. Раньше считалось, что уже в VI–VIII веках существовали «архаический валлийский», «архаический бретонский» и «архаический корнский» (*Primitive Welsh, Primitive Breton, Primitive Cornish*), но, согласно последним исследованиям, региональные отличия в этот период минимальны, и язык у бриттов, скорее всего, был общий. *Прим. науч. ред.*

личимыми загадочными знаками. Важно подчеркнуть, что сама рукопись создана в первой четверти XIV века, но некоторые материалы в ней намного старше, что типично для большинства валлийских и ирландских манускриптов. Сырой островной климат не лучшие условия для хранения книг из пергамента, поэтому у нас так мало ранних произведений на кельтских языках. К счастью, значительная часть материалов была воспроизведена в позднем Средневековье и в таком виде дошла до наших дней.

Страница из «Книги Талиесина» (XIV век). By permission of Llyfrgell Genedlaethol Cymru / The National Library of Wales

Последний источник, скорее всего, знаком поклонникам кельтской мифологии. Это «Легенда о Талиесине», самая ранняя версия которой датируется примерно 1550 годом. Она входит в состав обширных хроник – истории мира, начиная от Адама и Евы, – собранных Элисом Грифидом (1490–1552), военным, чиновником и литератором из Кале. Я подчеркиваю это, поскольку существует вполне понятное заблуждение, что кельтские мифы неподвластны времени и дошли до нас напрямую из туманного прошлого. Именно поэтому важно указать, что в каждом случае имеется самая ранняя сохранившаяся версия, созданная в определенном историческом и литературном контексте, который тоже нужно учитывать.

«Легенда о Талиесине» – это скорее народная сказка, чем миф, и вот о чем она повествует. У колдуньи Керидвен (Керридвен) был безобразный сын по имени Морвран (валл. «баклан») или Авагдду (валл. «беспросветная тьма»). Чтобы компенсировать его уродство, она решает сварить в котле магическое зелье, которое даровало бы ему мудрость. Но для этого следует выпить только первые три капли напитка, остальное – смертельный яд. Рецепт зелья она находит в «книгах Верилта», то есть в неких алхимических трактатах, хотя на самом деле название представляет собой искаженное имя римского поэта Вергилия, который, согласно средневековым легендам, был волшебником. Зелье нужно варить на медленном огне в течение целого года.

Керидвен поручает слепому слуге по имени Морда мешать варево, в то время как мальчик Гвион Бах (валл. «маленький Гвион») должен поддерживать под котлом огонь. Керидвен отправляется собирать травы, наказав Гвиону ни в коем случае не пробовать зелье. После всех трудов она садится отдохнуть и засыпает. В этот момент из котла вытекают три заветные капли, и Гвион, оттолкнув Морврана, ловит и глотает их. И сразу перед ним открывается вся мудрость мира. Благодаря обретенным знаниям Гвион понимает, что Керидвен разгневется, когда обо всем узнает, и сбегает.

Однако вскоре он слышит громовые раскаты ее ярости и понимает, что она уже пустилась в погоню. Он принимает обличье зайца, но колдунья превращается в гончую собаку. Тогда он оборачивается рыбой и прыгает в реку, но она становится выдрой и преследует его в воде. Он оборачивается птицей и взлетает, но она превращается в ястреба.

Кристофер Уильямс, «Керидвен» (1910). Glynn Vivian Art Gallery, Swansea. Photo Bridgeman Images

В конце концов Керидвен загоняет его в амбар, где он превращается в пшеничное зерно, а она становится рыжей курицей и проглатывает его. Девять месяцев спустя уже в человеческом облике она рождает сына, новое воплощение Гвиона. Ребенок этот так прекрасен, что Керидвен не может убить его и пускает в лодке по морским волнам. Вскоре человек по имени Элфин находит его у рыбной запруды. Лицо младенца столь прекрасно, что Элфин усыновляет его и нарекает Талиесином – «сияющим (или прекрасным) челом».

Как же разобраться в столь разных источниках и в столь разных образах Талиесина, которые в них представлены? Для начала важно отметить одну особенность: самый мифологически богатый материал – тот, что постоянно упоминается в книгах по кельтской мифологии и в котором романтики-энтузиасты с XIX века до наших дней ищут доказательства друидической или шаманской мудрости, – хронологически самый поздний. Если мы рассматриваем «Легенду о Талиесине» не как кельтский миф, а как народную сказку эпохи Тюдоров, приходится признать, что интерпретировать материал следует совершенно иначе.

Важнейшее исследование сложных и противоречивых источников о Талиесине провел выдающийся кельтолог сэра Айвор Уильямс (1881–1965). Анализ и толкование древнейшей валлийской поэзии стало делом всей его жизни. Уильямс утверждал, что следует разделять образ Талиесина на исторический и легендарный. Он предполагал, что прототипом героя был реальный исторический персонаж, а именно поэт Талиесин, живший в конце VI века и упомянутый в IX веке в «Истории бриттов». Уильямс считал, что некоторые стихотворения из «Книги Талиесина» начала XIV века в действительности принадлежали перу этого раннесредневекового барда. С момента зарождения валлийской поэтической традиции на протяжении семи веков они передавались от поколения к поколению.

На основании этих стихотворений, которые он считал подлинными, Уильямс выяснил, что Талиесин был придворным бардом и писал хвалебные песни королю Уриену Регедскому. Регед – ныне исчезнувшее королевство бриттов, которое располагалось на юге современной Шотландии и северо-западе Англии; несколько столетий его народ противостоял натиску англосаксов. Точные границы Регеда определить сложно, тем более они наверняка менялись с течением времени, но сегодня считается, что королевство занимало территорию современного шотландского округа Дамфрис и Галлоуэй и простиралось до Ланкашира и Камбрии.

Сэр Айвор попытался выделить из примерно шестидесяти поэтических произведений «Книги Талиесина» двенадцать подлинных стихотворений VI века. В 1960 году он издал их с комментариями, и этой публикацией по сей день пользуются специалисты по ранней кельтской литературе. Однако тот факт, что между временем их появления и датой создания единственной известной нам рукописи XIV века прошло семь столетий, вызывает серьезные опасения исследователей. Уильямс считал, что стихотворения, написанные в VI веке, дошли до нас не в устной форме – судя по особенностям языка, переписчик «Книги Талиесина» копировал тексты из более старого источника. Но за столь долгий срок текст может исказиться по очень многим причинам. С каждым переписыванием становится больше ошибок, пропадают страницы, очередные писцы стирают и правят слова и фразы. Более поздние исследователи, обращавшиеся к работам сэра Айвора, сократили число аутентичных стихотворений VI века с двенадцати до примерно десяти. Тем не менее идеи Уильямса в целом признаны в научной среде, и именно эта поэтическая подборка считается самым ранним сохранившимся литературным произведением на валлийском языке.

Это ни в коем случае не мистические или друидические сочинения, а панегирики, хвалебные стихотворения в честь правителя. Они появились в культуре, пронизанной духом героизма, в которой воины соревнуются за боевую славу и признание, а господин вознаграждает их за доблесть.

В такой культуре хвалебная речь из уст того, кто сам достоин похвалы, обеспечивает человеку репутацию. Воспевания живых и мертвых занимают центральное место во всей валлийской поэзии. Несколько стихотворений, которые сэръ Айвор приписывал «историческому» Талиесину, завершаются возвышенной хвалебной кодой (в оригинале строки рифмуются):

И пока не сокрушит меня в старости
суровая верная смерть,
не будет мне большего счастья,
чем восхвалять Уриена.

Ранее я упоминал, что Айвор Уильямс предложил отделять реально существовавшего Талиесина от Талиесина – персонажа легенд. Второго Уильямс назвал «легендарным» или «мистическим», именно его следует отождествлять с героем поздней «Легенды о Талиесине». Многие поэмы в «Книге Талиесина» повествуют с пафосом о том, как он принимал облик различных предметов и существ, встречался с историческими, мифологическими и библейскими персонажами. Короткие вопросы и хвастливое перечисление того, где побывал и что повидал бард, создают прерывистый ритм. В качестве иллюстрации приведу отрывок из особенно сложного для понимания стихотворения «Враждебный союз» (Angar Kyfundawt) из «Книги Талиесина»:

Мира устройство знаю
Между Землей и Раем,
Что эхом пещера звенит,
Что всем погибель грозит,
Зачем серебру блистать,
А в речке дна не видать,
То, что черно дыханье³,
Что печень кровава в ране,
То, что олени рогааты,
А жены любовью богаты,
А молоко белеет,
А остролист зеленеет.

Очевидно, что эти рассуждения принадлежат персонажу народных сказок – Талиесину-оборотню, всеведущему и уверенному в себе знаменитому поэту. Из этого можно сделать вывод, что основная идея этих сказаний была хорошо известна в средневековом Уэльсе задолго до появления в середине XVI века самой ранней из дошедших до нас версий «Повести о Талиесине»; однако это не означает, что легенда пришла к нам из древности, и еще менее вероятно, что она связана с друидами или язычниками.

Итак, у нас, как уже говорилось ранее, есть очень удобное разделение на двух Талиесинов. Первый – реальный поэт, автор хвалебных стихотворений, живший в конце VI века, наследник древней традиции панегириков, которая восходит к ранней кельтской культуре и продолжает развиваться в период позднего ирландского и валлийского Средневековья. Этот реальный, «исторический» Талиесин был одним из типичных придворных певцов, которые, по словам античных авторов, сопровождали галльских вождей. Краткое описание британской хва-

---

³ Согласно комментарию М. Хейкок к этой строке Талиесина, «черным» считалось дыхание внутри тела, которое еще не вышло изо рта. Она приводит ирландскую загадку, ответ на которую – «дыхание»: «Здесь оно со мной, там его я вижу – / Черного ягненка с синей-синей шерстью». *Прим. науч. ред.*

лебной поэзии – пусть и весьма неприязненное – оставил латинский писатель VI века Гильда Премудрый, автор мрачной, яростной проповеди под названием «О гибели Британии» (*De excidio Britanniae*). В своем знаменитом риторическом обращении к королю Майлгуну, повелителю Гвинеда, Гильда презрительно описывает придворных поэтов-воспевателей:

И [ты], напрягая слух, наострив уши, слышишь не сладкозвучные хвалы Богу гласом сладко поющих новобранцев Христовых, и распевы церковной мелодии, – но хвалы самому себе, которые суть ничто, наполненными ложью устами колодников, обрызгивающих при этом тех, кто стоит рядом, пенящейся жидкостью, и «зычных глашатаев», визжащих вакхантским обычаем...⁴

Это самое раннее из известных нам описаний светской хвалебной поэзии в Британии, и очевидно, что Гильда не интересовался ее социальной функцией или героическим духом, он видел в панегириках лишь мирскую гордость и тщеславие. Роль «исторического» Талиесина, вероятно, заключалась в том, чтобы восхвалять Уриена Регедского, подобно бардам из послания Гильды. И здесь следует сказать несколько слов о характере такой поэзии.

Стихи эти шаблонны, полны возвышенных описаний безграничной щедрости и боевого мастерства Уриена, большое внимание уделяется чувствам самого поэта. Аутентичные стихотворения обычно состоят из свободных восьми- или девятистопных строк, украшенных рифмами и аллитерациями. Это воспевания, элегии, мольбы о примирении – в них нет сюжета. В средневековой кельтской литературе поэзия используется для выражения сильных чувств, повествование же ведется в прозе. Любая история в стихотворной форме сводится к аллюзии, что делает кельтскую поэзию довольно трудной для понимания. Язык ее удивительно сложен. Можно предположить, что многое в древних текстах было исправлено и переписано, ведь речь идет о произведениях, дошедших до нас сквозь столетия.

Однако порой в этих стихотворениях присутствуют прямота и ясность. Одно из лучших сочинений Талиесина – трогательная элегия на смерть Овейна, сына короля Уриена. Здесь поэт также прославляет великодушие и воинскую доблесть как высшие добродетели. Звучит это следующим образом:

Душу, Оуэн ап Ириен,
Господу в беде призреть!
Рхегеда зеленый дерн
Властителю в славу впредь.
В земле герой песнословий,
в лучах зари копий твердь.
Властителю Ллуивенид
Ровню где найти суметь?
В жатве брани и ловитв –
в отца род, и рода ветвь.
Пал от Оуэна Фламдвин,
Как во сне, обрел он смерть.
Ллоегра рать уложил –
в их глазах огню гореть.
С поля мало кто бежит, –
Бахвалятся одолеть –
На расправу Оэун крут,
Волчьей стаей к овцам в клеть.

---

⁴ Пер. Н. Ю. Чехонадской (Живловой).

Ярый муж под жаром лат!
Скакунов копил – велеть
Мог их в дар. Дают их ныне
души ради, порадеть
душе, Оуэн ап Ириен...⁵

Ллуивенид (Llwyfenydd) – название одного из регионов Регеда; Фламдвин (Fflamddwyn), то есть «Пламяноситель», – по-видимому, прозвище саксонского вражеского вождя, которое дали ему жители Регеда. Фраза про лежащую с горящими глазами рать Ллоегра означает, что все воины пали на поле боя и глаза их навеки открыты.

Очевидно, что подобные стихотворения не связаны с мистикой или тем более с друидами. Читатель, должно быть, заметил в элегии религиозный мотив: автор напрямую обращается к христианскому Богу, когда просит его позаботиться о душе павшего героя. Важно помнить, что христианство было частью идентичности бриттов как цивилизованных жителей бывшей римской провинции, оно отличало их от язычников-саксов, угрожавших с востока. (Во время предполагаемой жизни Талиесина некоторые англосаксонские королевства приняли христианство; в 597 году началась знаменитая миссия святого Августина в Кент.) Это полностью противоречит популярным историям о Талиесине: самые ранние его стихотворения, созданные всего лишь через два столетия после всеобщего обращения бриттов в христианство, не содержат языческих, друидических или магических мотивов.

Оставим ранние произведения и обратимся к содержанию других частей «Книги Талиесина», написанных от лица «легендарного» Талиесина. Это более поздние сочинения, которые, судя по языку, были созданы в период между 900 и 1220 годом. У отдельных произведений дату можно определить точно: например, блестящее длинное стихотворение «Великое пророчество о Британии» (Armes Prydein Uawg) датируется 920–930-ми годами. Это политическое пророчество, предвещающее день, когда британцы – валлийцы, корнуольцы и бретонцы – вернут себе законные земли, захваченные англичанами, и обретут власть на всем острове.

---

⁵ Пер. Н. Л. Сухачева, А. И. Фалилеева.

Гравюра Симона Франсуа Равенне по картине Фрэнсиса Хеймана «Друиды, или Обращение бриттов в христианство» (1752). Wellcome Collection, London

Возникает резонный вопрос – почему невозможно определить время создания других стихотворений? Причин три. Во-первых, при датировке специалисты часто опираются на политические и общественные события, современные для автора произведения; таким образом, например, и выяснили предположительную дату создания «Великого пророчества о Британии». Но «мифологическая» поэзия по своей природе изобилует туманными аллюзиями на магию и оборотничество, она обращена внутрь себя и практически не ссылается на внешние события.

Во-вторых, стихотворения с короткими строками и нарочито путаным стилем довольно сильно отличаются от стихотворений, созданных в 900–1220-х годах, то есть от основного массива религиозной и возвышенной хвалебной поэзии бардов, называемого «гогинвейрд» (gogynfeirdd), что означает «не самые ранние поэты». В итоге сравнение между собой произведений того периода для датировки тоже не подходит.

В-третьих, чтобы определить время создания стихотворений, нужно обладать особыми знаниями и разбираться в валлийской литературе, лингвистике, истории и особенностях поэзии. К счастью, в 2007 году эксперт с такой квалификацией Марджед Хейкок выпустила монографию «Легендарные стихи из “Книги Талиесина”» с комментариями и введением, за которой вскоре последовал второй том «Пророческие стихи из “Книги Талиесина”». Я упоминаю творчество Хейкок, потому что каждый, кто всерьез интересуется Талиесином и связанными с ним преданиями, не может обойти вниманием ее работы – в первую очередь потому, что дру-

гие английские переводы, встречающиеся в книгах и особенно в интернете, нередко пестрят неточностями. К счастью для обычных англоязычных читателей, появился еще один блестящий перевод, выполненный с опорой на исследования Марджед Хейкок, – «Книга Талиесина: военные и хвалебные стихотворения в колдовской Британии». Авторы – валлийская поэтесса Гвинет Льюис и бывший архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс. В книге, опубликованной в 2019 году, содержатся точные переводы всех стихотворений как «исторического», так и «легендарного» Талиесина, а также введение с комментариями. Впервые поклонники знаменитого барда, не владеющие валлийским языком, получили возможность близко познакомиться с его творчеством.

Можно с уверенностью сказать, что «мистические» стихотворения из «Книги Талиесина» создавались на протяжении всего периода с 900 по 1220 год. Одно из самых ранних сочинений, знаменитая и загадочная средневековая поэма «Трофеи Аннувна», или «Добыча из Аннувна» (*Preideu Annwfn*), была создана примерно в 900–950 годах (Аннувн – валлийский потусторонний мир, который занимает важное место в валлийской литературе и фольклоре).

В шестидесяти строках рассказана наполовину утраченная легенда из артуровского цикла. Как уже упоминалось, в кельтской традиции для повествования обычно использовали прозу, а в поэтических произведениях лишь давали намеки на уже известные аудитории сюжеты. В данном случае стихотворение – единственное, что осталось от оригинальной легенды, так что детали до конца не известны. Очевидно, что Артур и его люди совершили провальную экспедицию в потусторонний мир, находившийся за морем; они отправились туда на корабле «Придвен», чтобы заполучить украшенный жемчугами котел «Владыки Аннувна» и, возможно, чтобы освободить пленника по имени Гвейр. Котел «согрет дыханием девяти дев», и этот образ кажется одновременно знакомым и загадочным. Посещение иномирных крепостей с таинственными названиями – возможно, речь шла о разных названиях одного и того же места – закончилось для Артура и его людей трагедией. В путешествие отправилось так много воинов, что для них потребовалось три корабля, но «только семеро вернуться смогли». Предположительно, Талиесин был среди выживших, он и поведал в поэме о случившемся. Вот ее начальная строфа:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.